

The image is a book cover for 'Договор с Солнцем' by Макс Корень. It features a dark, atmospheric photograph of a long, narrow hallway with peeling paint and a person walking away from the viewer. A large, glowing full moon is suspended in the center of the hallway, casting a warm light. The title is written in large white letters, and the author's name is at the top.

Макс Корень

Договор с Солнцем

Макс Корень

Договор с Солнцем

«Автор»

2026

Корень М.

Договор с Солнцем / М. Корень — «Автор», 2026

ВНИМАНИЕ: Самая сильная, мистическая часть истории — ЭСТ, две клинические смерти и заключение Договора с Солнцем — начинается в 3-й и 4-й главах. Прочитайте бесплатный фрагмент до конца, чтобы понять цену, которую заплатил автор. «Договор с Солнцем» — это предельно честная автобиографическая повесть о человеке, прошедшем через ад карательной психиатрии середины 2000-х годов. Попад в родного Иркутска в разрушенную больницу в Абхазии, а затем в знаменитую московскую «Кашенко», герой сталкивается с жестокостью системы, боями за выживание и двумя клиническими смертями, во время которых заключает мистический договор с высшей силой. Но выход за ворота клиники не означает конец испытаний. Это история о том, как человек продолжает нести свой крест, бороться с зависимостью и искать ориентиры в мире, где тишина оплачена пожизненной ценой.

© Корень М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Макс Корень

Договор с Солнцем

Глава

(Автобиографическая повесть)

Аннотация

«Договор с Солнцем» — это предельно честная автобиографическая повесть о человеке, прошедшем через ад карательной психиатрии середины 2000-х годов. Попав из родного Иркутска в разрушенную больницу в Абхазии, а затем в знаменитую московскую «Кащенко», герой сталкивается с жестокостью системы, боями за выживание и двумя клиническими смертями, во время которых заключает мистический договор с высшей силой. Но выход за ворота клиники не означает конец испытаний. Это история о том, как человек продолжает нести свой крест, бороться с зависимостью и искать ориентиры в мире, где тишина оплачена пожизненной ценой.

Глава 1: Дранды. Слом

Год 2005-й. Время, когда мир вокруг казался выкрученным на максимальную громкость, но в моей голове он постепенно превращался в белый шум, залитый алкоголем. Из родного Иркутска, где сибирская зима вымораживает мысли до костей, меня занесло на другой конец страны — в Абхазию, к бабушке. Целый год среди кавказских пейзажей, влажного субтропического воздуха и не до конца затянувшихся ран недавней войны. Там меня и настигла «забота» родственников. Из лучших побуждений они решили вылечить меня от пьянства.

Так я попал в Дранды. Психиатрическая больница в бывшей тюремной крепости.

Если вы думаете, что там лечат, вы ничего не знаете о казенной медицине тех лет. Там ломали. До Абхазии я был худым, но крепким, спортивным парнем — сибирская закалка давала о себе знать. Дранды стерли это тело. Главным ужасом больницы был даже не персонал, а быт. Канализация не работала вообще. Воду привозили в цистернах, выдавали по каплям. Из-за дикой антисанитарии, стресса и местной химии мой организм просто заблокировался. Я не мог сходить в туалет по-большому целый месяц. Физически чувствовал, как шлаки и яд заполняют меня изнутри. За эти недели я страшно, неестественно растолстел. Живот раздувался, тело отекало, превращаясь в чужую, неповоротливую массу.

Именно там, запертый в душной камере с неработающим клозетом, среди запаха испражнений и гниения, я впервые понял, что значит по-настоящему сойти с ума. Когда твой разум не выдерживает издевательств над телом и начинает сдавать позиции, погружаясь в липкий, серый бред.

Но Дранды были лишь предисловием. Когда врачи поняли, что местная система со мной не справляется, меня этапом перевезли в Москву. В психиатрическую больницу №1 имени Алексеева. В знаменитую на всю страну «Кащенко».

Глава 2: Хозяева туалета

Москва встретила казенной серостью. Меня определили в отделение — огромное, как вокзал, не меньше восьмидесяти человек. Психи, алкоголики, торчки, люди с разбитыми судьбами и ампутированной волей.

Первый день запомнился во всех красках. От уколов внутри все горело, хотелось забиться в угол, но больше всего хотелось курить. Я нашел туалет — классический больничный сортир с кафелем цвета больничной тоски, прокуренный до желтизны. Едва я затянулся, как дверь скрипнула. Внутрь зашли трое. По хозяйским, неторопливым движениям сразу стало ясно: эти здесь не лечатся, они здесь живут.

Впереди шел Саша Кудряшов. Местный авторитет, Смотрящий за всем отделением. В дурдомах середины нулевых порядки мало отличались от тюремных: если администрация давала слабину, власть забирали те, кто наглее. Кудряшов держал тут всех.

Диалог не задался с первой секунды. Им не понравилось лицо новичка, мне — их тон. Разговаривать долго в Кащенко было не принято. В ход пошли кулаки.

Они двинулись на меня втроем, слаженно, рассчитывая быстро сломать и подчинить очередное «мясо». Я успел сообразить, что на открытом пространстве меня просто затопчут, и рванул назад, прижавшись спиной к углу возле самого выхода. Спина прикрыта, сектор обстрела перед глазами. Спортивное прошлое, которое, как мне казалось, похоронено в Драндах, сработало на чистых рефлексках.

Первым сунулся Кудряшов — мой короткий встречный удар разбил ему губу в кровь. Он отшатнулся, матерно хрипя. Его помощник попытался достать меня сбоку, но поймал кулак прямо в переносицу. Послышался отчетливый хруст, из носа брызнуло. Третий, самый трусливый, шел на подстраховке, но и ему прилетело в челюсть так, что зубы клацнули на весь туалет.

Они остановились. Тяжело дыша, Смотрящий вытер кровь с подбородка, оценивающе глядя на меня. Сибиряк из угла уходить не собирался и был готов драться до конца. Троица отступила. Война была выиграна, но до мира было еще далеко.

Чуть позже, когда мы сталкивались в коридоре, тот самый побитый помощник Кудряшова, проходя мимо, негромко, с какой-то потусторонней злобой бросил мне в спину:

— Уйди навсегда!..

От этих слов по коже пробежал мороз. В месте, где люди теряют рассудок, услышать «уйди навсегда» — это не просто угроза. Это пожелание сгинуть, раствориться в этих стенах, стать овощем, уйти в небытие. И в тот момент я пообещал себе, что назло им всем — вернусь.

Глава 3: Нейролептический голод и Великий бунт

Первый месяц в «Кащенко» превратился в одну сплошную, пульсирующую потребность — кушать. Изголодавшийся, отравленный абхазским бытом организм требовал ресурса, но главным врагом были лекарства. Трижды в день нам выдавали таблетки горстями, кололи безымянную муть внутримышечно и пускали по венам капельницы. Названий никто не говорил. Да это было и неважно. Химия действовала безотказно: она выжигала сознание, превращая мысли в вязкий кисель, и будила внутри дикий, сосущий, нейролептический голод. Животный и неутолимый.

Мне, парню из Иркутска, передач никто не носил — слишком далеко, да и некому было. Больничной баланды в столовой катастрофически не хватало. Еда проваливалась в меня как в черную дыру.

В один из дней этот голод довел меня до ручки. Когда раздача закончилась, я на чистых рефлексках подошел к поварихе и попросил добавки. Просто человеческое: «Дайте еще». Ответ системы был мгновенным и беспощадным. Повариха с размаху грохнула железной тарелкой об стол так, что звон пошел по всей столовой, и истошно закричала:

— Какая добавка?! Пошёл вон отсюда! --- На ее крик тут же прилетели «альтернативщики». В отделении их было человек семь — солдаты, проходящие альтернативную гражданскую службу. Никакой формы они не носили, ходили в штатском, но все как на подбор — крепкие, спортивные парни, набранные администрацией специально для усмирения буйных. Роль надсмотрщиков им явно нравилась. В тот раз трое из них быстро и слаженно нанесли мне серию ударов, скрутили и пинками вышвырнули из столовой.

Обида и химия копились внутри меня, как порох в закрытом котле. Вспышка была неизбежна.

Это случилось чуть позже. Сознание окончательно поплыло, пространство вокруг искривилось, и меня накрыли тяжелые, яростные галлюцинации. Вспыхнул конфликт — очередной,

но теперь уже финальный. И меня прорвало. Та сила, которую я копил годами на спортивных тренировках, под действием безумного адреналина увеличилась втрое.

Я пошел напролом, как танк. В ту минуту для меня не существовало авторитетов, боли или страха. Я крушил все на своем пути. В этой яростной, безумной мясорубке я в одиночку избил половину отделения. Под кулаки попали двое санитаров, вся семерка спортивных солдат-альтернативщиков и еще куча подвернувшихся под руку больных. Коридор превратился в зону боевых действий, стоны и крики стояли нечеловеческие.

Пробивая дорогу сквозь живую стену, я добежал до медсестринской и ворвался внутрь. Там замерли от ужаса медсестры. Но внутри моего безумия еще оставался стержень — женщин я не трогал принципиально. Оставив их бледнеть у стены, я захлопнул за собой тяжелую дверь и намертво вцепился в ручку, уперевшись ногами в косяк.

С той стороны навалилась вся оставшаяся на ногах шобла. Дверь ходила ходуном, трещала петлями. Семь солдат, санитары, врачи — огромная толпа мужиков навалилась скопом, но не могла сдвинуть меня ни на сантиметр. Я держал эту чертову дверь руками, чувствуя себя последним защитником крепости.

Конец пришел изнутри. Пока я держал внешний штурм, одна из медсестер, преодолев страх, бесшумно зашла со спины. Острый укол в шею или плечо — я даже не успел повернуться. Яд мгновенно хлынул в кровь. Пальцы, только что державшие тонну веса, обмякли. Дверь распахнулась.

Меня, раскисшего и теряющего сознание, толпа выволокла из медсестринской. Тащили жестко — за руки, за ноги по кафельному полу прямо в палату. Лиц я уже не видел, только смазанные силуэты. Меня швырнули на шконку. Кто-то, дыша животной злобой и мстя за разбитые носы альтернативщиков, навалился сверху и накрыл мое лицо подушкой, перекрывая остатки кислорода. В этот же момент в бедро вонзилась еще одна игла с убийной дозой тормозящего препарата.

Тьма сомкнулась. Я умер для этого отделения на несколько дней, чтобы очнуться уже в реанимации — едва живым, с трубками в горле и полным непониманием, где кончается этот ад.

Глава 4: Пылесос для души и Ослепительный Свет

Реанимация вернула меня на землю, но земля эта была проклята. Самый страшный круг ада начался сразу после возвращения в отделение. Это называлось ЭСТ — электросудорожная терапия. Но для меня это было конвейером казней.

Они делали это день через день. И каждый, абсолютно каждый раз это становилось полной неожиданностью. Система не предупреждала, она просто приходила за тобой. Среди серого больничного будня ко мне вдруг подходили два санитаря, молча брали под руки и вели по бесконечному коридору. Куда? Зачем? Мой измученный химией мозг не успевал сообразить. Паника включалась на подсознании, но тело уже не слушалось.

Меня заводили в процедурную, швыряли на жесткую шконку и намертво привязывали ремнями за запястья и лодыжки. Двинуться невозможно. Затем над головой вырастали фигуры медбратьев. В их движениях не было сострадания — только рутина, как у забойщиков на скотобойне. К вискам прижимали холодные металлические электроды, а в рот с силой совали толстую резиновую трубку, чтобы в судорогах я не откусил себе язык.

Но в моем измененном, воспаленном сознании эта трубка превращалась в орудие изощренного убийства. Мне казалось, что ко рту подсоединили огромный, промышленный пылесос. Что из меня заживо, с мясом выкачивают весь воздух, опустошают легкие, высасывают саму душу. «Они издеваются, — билась одна-единственная мысль в зажатых тисками висках. — Они делают это специально, просто чтобы посмотреть, как я сдохну».

А потом включали ток.

Тело мгновенно выгибалось дугой, подпрыгивая на лежаке вопреки ремням. Каждая мышца натягивалась до предела, готовая порваться. Мощнейший разряд напроочь перекры-

вал дыхательную функцию. Наступало абсолютное, глухое удушье. Воздуха нет. Сердце сбоит. Сознание, не выдержав запредельной боли, проваливалось в глухую черную бездну. До определенного момента там не было ничего. Ни мыслей, ни снов, ни памяти. Полное стирание.

Но дважды за этот месяц черная пустота разрывалась. Сердце не выдерживало нагрузки и останавливалось. Наступала клиническая смерть.

Именно тогда, когда тело окончательно сдавалось, умирающий разум пробивал дно этого ада и выходил с другой стороны. Из ничто, из абсолютного вакуума рождался свет. Ослепительный, колоссальный, чистый Свет, принявший форму гигантского, живого Солнца. Оно заполняло собой все пространство, выжигая воспоминания о больничном кафеле, санитарях и ремнях. От него не веяло теплом в привычном смысле — от него веяло абсолютным знанием и первозданной силой.

Солнце не говорило голосом. Оно посылало мысли прямо в мое гаснущее сознание, и эти мысли грохотали во мне, как тектонический сдвиг:

— Хочешь жить?

Внутри меня, среди углей сожженного электрошоком разума, встрепенулось что-то первобытное, сибирское, упрямое.

— Да, — ответил я ему всем своим существом. — Хочу.

Солнце в ответ беззвучно, но непреклонно выставило свои условия сделки:

— Тогда ты ответишь здесь за свои грехи. За прошлые, настоящие и даже будущие. Согласен?

Это был договор, написанный на пороге небытия. Плата за право дышать дальше. Я согласился, не раздумывая, готовый принять любую кару, лишь бы вернуться:

— Да.

И в то же мгновение Свет сжался до точки, и меня с дикой силой швырнуло обратно в изломанное, хрипящее тело. Я резко открыл глаза на шконке, ловя ртом воздух через чертову трубку. Сердце запустилось снова. Я вернулся к жизни, но теперь я знал: все, что происходит со мной в этих стенах — это не просто дурдом. Это моя личная Голгофа. Моя расплата, которую я принял добровольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.